

ВТОРОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Чернышов Ю.Г.: Под конец конференции мы точно вписываемся в регламент, и сейчас у нас есть полчаса, чтобы подвести итоги конференции.

Если говорить коротко о статистике, в первый день конференции этот зал посетило 88 человек, в этот день добавились новые участники, в основном женщины. Нам удалось добиться более разностороннего обсуждения проблем.

Сейчас, во-первых, с подведением итогов выступят председатели секций. Во-вторых, я хотел бы попросить всех вас подумать над темой будущей конференции: что было бы целесообразно вынести на обсуждение в следующем году?

Мы предоставляем слово Игорю Александровичу Еремину, который председательствовал на первой секции.

Еремин И.А.: Уважаемые дамы и господа! Я хочу сказать несколько слов по итогам работы первой секции «Постсоветское пространство: проблемы интеграции». Можно сказать, что работа на секции получилась интересной. Сама тематика, которая была поставлена во главу угла, вызвала большой интерес и резонанс. Поэтому не было налета академизма и тем более формализма, а была настоящая заинтересованная, творческая дискуссия, настоящий конструктивный разговор, в котором принимал участие весь зал. Если говорить о научной стороне дела, мы заслушали 9 докладов, и все они были выполнены на очень высоком теоретическом и практическом уровне, что почувствовала аудитория. Были очень грамотные и компетентные вопросы, заинтересованные выступления, комментарии и реплики. Конечно, все выступающие проявили себя с лучшей стороны, когда они выступали в ходе ответов на вопросы.

Надо сказать, что процессы интеграции на постсоветском пространстве рассматривались во время работы секции в контексте всемирной интеграционной тенденции, при этом особое внимание было уделено анализу результатов интеграции в рамках Европейского Союза для использования накопленного положительного опыта на постсоветском пространстве. В частности, этому было посвящено выступление Кавешникова Н.Ю. о возможности использования опыта ЕС для экономической интеграции стран СНГ, Подвинцева О.Б. «Еще раз к вопросу о целесообразности сравнения ЕС и СНГ». Анализируя все эти выступления, можно сказать, что налицо были, выражаясь терминологией, присущей Европейскому Союзу, две совершенно четко и

ярко выраженные позиции и тенденции. Это позиция и тенденция евроскептиков, если выражаться языком Евросоюза, и позиция еврооптимистов. Таким образом, на нашей секции совершенно очевидно преобладали европессимисты, точнее говоря, пессимисты в отношении перспектив интеграции Содружества Независимых Государств. Этот вывод я констатирую с грустью. К сожалению, все, кто присутствовали, это почувствовали. По существу, выступавшие согласились с мыслью Николая Юрьевича Кавешникова о том, что «страны СНГ не достигли пока порога интеграционной зрелости» – эта мысль в той или иной форме была поддержана большинством выступавших и теми, кто принимал участие в обсуждении.

Продолжая тему пессимизма, я хочу сказать, что о реально продолжавшемся процессе дезинтеграции, в котором правящие элиты постсоветских государств Центральной Азии решают свои конкретные, внутренние задачи, говорилось в выступлении Э.Э. Полетаева «Идеология особого пути и двойные стандарты в Центральной Азии». Были у нас и свои еврооптимисты в отношении взглядов на процессы интеграции в рамках СНГ, о чем можно говорить, вспоминая доклад Бейдиной Т.Е. «Специфика интеграционных процессов в Европе, Евразии и на постсоветском пространстве: сходства и различия». Т.Е. Бейдина одной из причин, которая в будущем будет объективно способствовать процессам интеграции в рамках СНГ, назвала общие внешние угрозы и, прежде всего, китайскую. И если вы помните, разговор о потенциальной китайской угрозе на постсоветском пространстве вызвал оживленную дискуссию, в которой активное участие принял специалист по Китаю М.В. Карпов, который также выступил с докладом «Реформы экономические и политические: проблема приоритетов в опыте СССР (России) и КНР в 1980–1990-е гг.».

Интересными были выступления, посвященные конкретным аспектам взаимоотношений России и стран СНГ. Учитывая, что Алтайский край граничит с Казахстаном, особого внимания заслуживает доклад Грекова Н.В. «Казахстан и Россия: парадоксы сближения». Николай Владимирович высказал очень важную мысль о том, что со стороны Казахстана в отношениях с Россией четко проявляется заинтересованность государств как цельного института, который совершенно четко имеет свои взгляды и цели, а также точно знает, чего он хочет, а чего он, прежде всего, решения своих внутренних проблем. Со стороны же России подобного не наблюдается, и создается впечатление, что государственная власть сама не знает, чего хочет. Поэтому отношениями с Казахстаном у нас занимаются сопредельные российские регионы. Было совершенно верно сказано, что в том числе и по этой

причине интеграционные процессы у нас не получаются не только на уровне ЕС, но и вообще. Была, однако, высказана оптимистическая мысль о том, что в данной ситуации единственное, чего можно добиться, так это создания зон свободной торговли.

В целом, участники дискуссии и выступающие были едины в том, что реальная интеграция в рамках СНГ, пусть даже на минимальном уровне, возможна только на базе рыночной экономики и плюралистической демократии. Формирование последней части условий для интеграционных процессов должны сыграть и факторы складывания гражданского общества, поэтому, смею выразить надежду, что наша конференция в плане общественной и научной инициативы сыграет положительную роль в процессах интеграции, которые постепенно будут налаживаться. На этой оптимистической ноте я хотел бы завершить свое выступление.

И, откликаясь на просьбу Юрия Георгиевича в отношении перспектив тематики следующей конференции, я хотел бы высказать два соображения: во-первых, новые угрозы для России, в чем они, в том числе и китайская угроза, или можно обозначить эти угрозы более мягко как вызовы. Вторая возможная тема связана с выборами, которые уже к тому моменту пройдут – это выборы парламентские, президентские, а на Алтае еще и выборы в местные органы власти. Сегодня идут оживленные дискуссии по поводу изменения Конституции, по поводу превращения России из президентской республики в парламентскую, поэтому возможно обсуждение тематики будущей конференции в таком плане, как постсоветская Россия. Спасибо за внимание!

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Игорь Александрович, за ведение секции и четкое подведение итогов. Слово предоставляется Ларисе Михайловне.

Управителева Л.М.: Дорогие друзья, я испытываю огромное удовлетворение от состоявшейся дискуссии, потому что у меня ощущение, что узкий круг революционеров вышел из подполья! Тем более, мне очень радостно, что в нашей дискуссии принимали участие мужчины, их вопросы бодрили, интриговали и обнаруживали, что они очень безразличны к нашей проблеме, она для нас общая. Если говорить об итогах дискуссии, то, конечно, это трудная задача – подвести итог столь бурного обсуждения. Я думаю, что общим итогом могло бы быть следующее положение: все участники нашей конференции и секции отстаивают тот тезис, что демократизация общества и гуманизация политической жизни в нашей стране невозможны без участия женщин в политике. Вместе с тем участники конференции осознают все сложности, которые стоят перед женщинами, решившимися на

реализацию политики равных возможностей в нашей стране. Что препятствует стремлению женщин оказаться во власти? Наши доклады показали, что этих препятствий много: это сопротивление мужчин и самих женщин, это нежелание самих женщин участвовать в политической жизни, это отсутствие четких законов, где были бы прописаны идеалы гендерного равенства. Вместе с тем наша дискуссия показала, что среди женщин, устремляющихся в политику, отстаивающих свои интересы, не присутствуют шовинистические или конфронтационные идеи, наоборот, наши доклады показали, что в основе наших идей лежит мысль о гендерном равенстве, о согласии в обществе. И мне кажется, это очень важно для того, чтобы осознавать и решать проблемы, которые стоят в нашей стране!

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Лариса Михайловна! Уважаемые коллеги! Есть ли у кого-то желание высказаться по итогам конференции, а также выступить с предложением тем на следующую конференцию? Пожалуйста!

Емешин К.Н.: Уважаемый Юрий Георгиевич! Уважаемые коллеги! Я думаю, что, безусловно, конференция удалась, спасибо Юрию Георгиевичу, что она состоялась. И мне хотелось высказать некоторые размышления. Мы обсуждали проблемы интеграции, которые очень интересны, но мы их постоянно суживаем до проблемы интеграции бюрократии и порождения новой бюрократии. Я думаю, что неслучайно все выступающие немного выходили за рамки понятия «интеграция». На будущее я хотел бы сказать: да, конференция традиционная, и, начиная с прошлого года, она разделилась на две самостоятельные конференции, одна из которых проводится Володей Рыжковым. В этом году особенно бросилось в глаза то, что традиционно конференция очень интересна и затрагивала интересы политической элиты Алтайского края.

Что касается тем конференции, то верно было подмечено, что к тому моменту уже состоятся выборы в парламент и для нас будет интересно проследить процесс эволюции власти и становления гражданского общества. Мы поняли, что в период правления В.В. Путина мы провели Гражданский форум, но фактически от гражданского общества отошли в обратную сторону. Я думаю, что после победных выборов следующего года будет весьма интересна проблема эволюции власти и развития гражданского общества! Благодарю за организацию конференции и внимание!

Барбанов О.Н.: Я тоже хотел присоединиться к словам благодарности в адрес организаторов конференции. Конференция удалась, получилась, и я надеюсь, что эта традиция продолжится и дальше. Если говорить о темах на следующий год, мне кажется, есть одна тема,

которая может объединить всех нас – представителей двух секций. Это проблема наркомании и наркотрафика. Алтайский край, вы знаете, является первым перевалочным пунктом на большом наркотическом пути из Афганистана в Центральную Азию, а затем в российскую Сибирь. Здесь много проблем, связанных с международной безопасностью, где эксперты-международники могут дать квалифицированную экспертизу, в то же время это и проблемы здравоохранения, и проблемы здорового образа жизни молодежи, социальные проблемы, где, кстати, можно выделять и гендерные аспекты, говорить о большей женской социальности. Кроме того, эта тема политически очень важна для Алтая в силу географического положения нашего региона. Я думаю, что эта тематика может вызвать очень широкий резонанс и вызвать дополнительное внимание к нашим проблемам.

Кавешников Н.Ю.: Я традиционно хочу поблагодарить организаторов за очень интересную конференцию, но хочу заметить, что хотя эти благодарности и традиционные, но искренние. И я хочу развить ту тему, которую предложил Олег Николаевич. Ведь наркотрафик связан с комплексом трансграничных проблем: это и миграция, и приграничное сотрудничество как таковое, и деятельность региональных властей с зарубежными коллегами. Здесь возникает целый комплекс вопросов, формирующихся вокруг границы как разделительной линии или границы как средства коммуникации между разными государствами и обществами. Собственно, такой поворот темы я и хотел предложить.

Романович Н.А.: Я тоже хочу в первую очередь присоединиться ко всем, кто поблагодарил организаторов, и присоединиться к тем, кто предложил последнюю тему. Хочу сказать, что буквально две недели назад закончено, можно сказать, небывалое исследование на тему наркомании, в котором я сама принимала участие. Почему? Потому что в это исследование были включены 10 регионов России, в том числе самый ближайший к вам – Омск. Опрошено более 5 тыс. российских граждан на эту тему. Поэтому я располагаю таким материалом, который составил бы значительную информационную базу для будущей конференции.

Шарап С.: Я тоже хотел бы поблагодарить организаторов и предложить тему, которая уже затрагивалась в первой секции, когда мы говорили о внешнеполитической деятельности регионов по отношению к СНГ. Следовательно, внешнеполитическая деятельность российских регионов – интересная, самостоятельная тема. Так как к вам приезжают представители из совершенно разных регионов России, которые могут рассказать о конкретных исследованиях, я думаю, что это было бы интересно.

Хомра А.У.: Я впервые на подобной конференции, естественно, мне понравилась скорее не ее практическая направленность, потому что я работаю среди практиков, а высокий теоретический и научный уровень, который позволяет высказаться всем и обсуждать довольно острые вопросы. Предложенная тема приграничного сотрудничества или более широко сформулированная проблема границы была бы интересна и важна. Недавно в принятом законе Украины о национальной безопасности наркомания, продажа людей, миграция и граница соединены в одну статью. Данная тематика заслуживает внимания, чтобы рассматриваться на таком высоком научном собрании, как данная конференция. Спасибо.

Дорутина Т.С.: Я бы хотела предложить для обсуждения толерантность в широком смысле слова, куда входят вопросы и приграничного сотрудничества, и проблемы миграции, и отношение к наркомании.

Управителева Л.М.: Я тоже хочу предложить тему будущей дискуссии, и я бы обозначила ее так: «Демократические вызовы России» – эта тема тоже очень обширна, она включает и китайский вызов, и трудовые проблемы, и проблемы миграции и т.д. На мой взгляд, она заслуживает обсуждения!

Чернышов Ю.Г.: Коллеги, за 10 минут мы сделали очень многое, вот что значит коллективная мозговая атака! Следовательно, уже вырисовывается то, что требуется. Это связано с проблемами национальной безопасности, проблемами границы, с теми реальными угрозами, которые проявляются через наркоторговлю, состояние демографии и т.д. Мы постараемся все это оформить в одну тему, но разбить по секциям, в результате чего большинство участников смогли бы удачно вписаться в тематику.

Подводя общий итог, я бы хотел коснуться скорее методов рассмотрения тем, чем содержания, и не буду злоупотреблять положением председателя и высказывать какие-то свои «окончательные» выводы по содержанию дискуссий. Как часто бывает, каждая из полемизирующих сторон приводила серьезные аргументы. Но, на мой взгляд, и в первой, и во второй секциях нам иногда не хватало четкого различения объективных и субъективных факторов. Существуют объективные факторы, обусловленные традициями, реальными возможностями общества и государства. Нужно учитывать, что есть стадия «созревания» общества и что иногда нужно дождаться этой стадии, а уже потом что-то радикально преобразовывать. Я думаю, что мы можем своими волевыми усилиями лишь несколько ускорить движение в позитивном плане. Но, чтобы наши усилия имели нужный эффект, следует активнее изучать объективное состояние общества и состояние междуна-

родных отношений на данном этапе. К положительным сторонам нашей конференции я бы отнес то, что на ней были представлены разные точки зрения. Даже если взять состав партий, которые были представлены, то к концу конференции стало понятно, что здесь довольно широкий спектр: присутствуют и сторонники КПРФ, и «Яблока», и СПС, и «Единой России». Причем у нас получилась вполне цивилизованная дискуссия, которая даже обогатилась за счет разных мнений. Уже упоминавшаяся сегодня толерантность принесла нам пользу.

Сегодня говорилось о разных конференциях, проводимых в Барнауле. Действительно, Алтай этим летом превратился в какую-то политологическую Мекку. Я провел один день в гостинице «Центральная», встречая наших гостей, и в это время с двух других конференций выезжали мои хорошие знакомые. Образовался непрерывный поток, как на Всемирном конгрессе политологов. Я хотел бы заметить, что оба форума – и «глобалистский», и «антиглобалистский» – провели бывшие студенты нашего исторического факультета – Владимир Рыжков и Андрей Демидов. Они оба наши ученики, и мы можем гордиться тем, что наша традиция начинает так разветвляться. Разные политические ниши занимают эти люди, и это хорошо, это позволяет всесторонне воспитывать нашу политическую элиту, развивать политическую культуру. К сожалению, здесь еще много надо работать. Упомянутый 10% барьер для партий показывает, что значительная часть нашей элиты мыслит еще в старых категориях.

Отличие нашей Школы от многих других заключается в том, что мы все-таки не политики, мы – ученые, и мы стараемся достичь не рекламы, не агитации, а объективной оценки, это является нашей главной целью. Я думаю, что ценность нашей Школы в том, что она – независимый институт гражданского общества на Алтае. И именно поэтому к нам часто обращаются, когда необходима объективная оценка, неангажированность и т.д.

Я думаю, что надо сохранять эту традицию, и в этом году нам очень помогли наши гости. Здесь собрались, как я уже говорил, отборные участники Интернет-конференции. Вы все почувствовали, что уровень докладов был очень высокий. Честно говоря, иногда приедешь в столицы и бываешь разочарован. У нас же каждый эксперт показал высший класс профессионализма, за что мы их искренне благодарим. И, конечно, огромное спасибо тем, кто помог организовать эту конференцию, я уже называл учредителей, особо хотелось бы отметить в этом году родную кафедру всеобщей истории и международных отношений, члены которой помогли организовать конференцию, очень много молодежи было у нас в оргкомитете в этом году. Огромное всем спасибо и до новых встреч!

ТЕЗИСЫ

Секция I. Постсоветское пространство: проблемы интеграции

А.М. Бетмакаев

Региональная интеграция как фактор фрагментации постсоветского пространства

В 2004 г. три страны Балтии присоединятся к атлантическим и европейским структурам безопасности и экономики, став членами НАТО и ЕС. Запланированные расширения обозначат заметный рубеж в процессе раздробления постсоветского пространства. Эстония, Латвия и Литва отпадут от этого пространства и станут частью Запада. Но означает ли это, что оставшееся постсоветское пространство интегрировано, а его внутренние связи не испытывают постоянной проверки на прочность?

По нашему мнению, фрагментация была и остается одной из важнейших характеристик эволюции постсоветского геополитического наследства с самого момента его возникновения. В настоящем докладе мы рассматриваем, как трансформировалось постсоветское пространство под влиянием, с одной стороны, европейской интеграции и, с другой стороны, попыток бывших республик СССР вновь создать интеграционное объединение.

Европейская интеграция фрагментирует постсоветское пространство

Первоначально политические последствия расширения ЕС представлялись многим экспертам как в целом благоприятные для постсоветского пространства. Во-первых, постсоветские государства и Европа имеют общие внешнеполитические цели и интересы в сфере безопасности, связанные с необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи, включая этнорелигиозные и территориальные конфликты, распространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, организованную преступность, нелегальную иммиграция и др. Во-вторых, одно из условий, которое выдвигал ЕС в переговорах со странами-кандидатами, – это преодоление «советского синдрома» и нормализация отношений с Россией. Это требование особенно настоятельно звучало в отношении стран Балтии, нередко использовавших исторические обиды и претензии к СССР для оказания давления на руководство НАТО и ЕС. Одна-

ко ЕС не ограничился включением в свой состав стран Балтии. Украина и Молдова были приглашены к участию в Европейской конференции (ежегодные встречи ЕС с представителями стран-кандидатов, на которых обсуждаются общие вопросы европейской интеграции). В отношении Молдовы влияние ЕС на позицию Кишинева может возрасти еще больше, поскольку Румыния, имеющая исторические связи с Молдовой, в 2004 г. станет членом Европейского Союза.

Общая озабоченность российской политической элиты в связи с расширением ЕС как в экономическом, так и в политическом отношении была связана с опасениями увеличивающегося разрыва между объединяющейся Европой и Россией, которая претендовала на роль организатора постсоветского пространства. Москва обеспокоена тем, что может измениться характер ЕС как партнера России после расширения за счет стран, все еще испытывающих «постсоветский синдром». Имея опыт расширения НАТО на страны ЦВЕ, Россия опасается, что антироссийские настроения, сдерживаемые этими странами в период переговоров о вступлении в ЕС, могут после их приема оказаться тормозом для инициатив по развитию сотрудничества с Россией.

Расширение ЕС оказывает воздействие на «оставшееся» постсоветское пространство в связи с расширением зоны Шенгенских договоров. Став членами ЕС, новые страны должны унифицировать свои правовые базы в соответствии с правовой базой Союза. Они обязаны ввести визовый режим в отношении тех стран, где такой режим применяется остальными членами Евросоюза, а также привести свое законодательство в отношении иностранных граждан в соответствие с требованиями ЕС в целом. В практическом плане перспектива расширения ЕС привела к тому, что страны Балтии ужесточили визовый режим в отношении граждан стран постсоветского пространства. Для России расширение обернулось возникновением проблемы Калининграда, который мог превратиться в еще один фрагмент постсоветского пространства.

СНГ, или неудача дефрагментации

В момент распада Советского Союза Содружество Независимых Государств выступило структурообразующим фактором создания принципиально новых межгосударственных отношений на постсоветском пространстве. Содружество выполнило тем самым важную историческую миссию содействия становлению суверенных, независимых государств, выбору каждым из них собственной модели экономических реформ и путей государственного строительства. Но оно не смогло стать эффективным механизмом обеспечения взаимовыгодного сотрудничества, сближения народов и государств. Изначальная «аллер-

гия» участников уже на сам термин «наднациональность» применительно к деятельности СНГ привела к тому, что не были созданы даже такие механизмы исполнения принятых решений, которые могли функционировать на межгосударственной основе и не требовали создания наднационального уровня. В результате СНГ представляет собой сегодня аморфное образование с малообязывающим характером связей при отсутствии ответственности отдельных государств за выполнение принятых обязательств. СНГ не стало инструментом интеграции как процесса формирования некоторой целостности (подобно тому, который происходит в ЕС). Заинтересованность разных стран в налаживании многостороннего взаимодействия в рамках СНГ неодинакова, что привело к формированию ряда структур ограниченного состава внутри этой организации. Такая меняющаяся «геометрия» сотрудничества позволяет странам СНГ быть более гибкими в налаживании связей друг с другом, но одновременно еще больше размывает перспективы консолидации СНГ как единого целого. Это стимулировало дальнейшую фрагментацию постсоветского пространства посредством появления Союза России и Беларуси, а также Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС).

ЕврАзЭС как новый фрагмент постсоветского пространства

В 1995 г. было подписано Соглашение о Таможенном союзе между Россией и Белоруссией, к которому затем присоединились Казахстан, Киргизия и несколько позже – Таджикистан. В 1999 г. Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, в котором без конкретизации сроков определили этапы интеграции. В 2000 г. был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, который вступил в силу в 2001 г.

В этой организации ведущая роль России закреплена юридически, через прописанные в учредительном договоре механизмы «взвешенного голосования» и пропорционального финансирования. Россия получила реальную возможность регулировать направление, характер и темпы регионального интеграционного процесса. Так Россия в определенной степени получила роль интегратора значительной части постсоветского пространства. О готовности вступить в ЕврАзЭС в марте 2003 г. заявили президенты Украины и Молдовы на встрече с президентом России.

Перспективы постсоветского пространства

Судя по всему, политическая элита России постепенно пришла к осознанию того, что РФ не в состоянии «удержать» за собой все пост-

советское пространство. Конкурирующие с Россией страны Запада уже использовали свою экономическую мощь, чтобы ускорить уход России из постсоветского пространства. В 90-е гг. в противовес России была создана организация ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдавия). Сами лидеры государств, входящих в ГУУАМ, похоже, сами толком не знают, каким образом развивать сотрудничество в рамках организации без должного материального обеспечения. Фактически от развала ГУУАМ сейчас могут спасти только США, которые готовы оказать ей материальную поддержку. России эта организация не нужна, поскольку уже есть Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности стран СНГ (ОДКБ). Но, так или иначе, в решающей степени судьба постсоветской интеграции зависит от позиции России. Задача по успешному выполнению интегрирующей функции требует стать – в соответствии со своим экономическим потенциалом – настоящим лидером в формировании субрегионального сотрудничества. При этом главным критерием оказания РФ донорской помощи более слабым партнерам, на которую они рассчитывают, должно быть получение российской стороной определенных экономических и геополитических выгод. Тем самым, удастся не допустить продолжения фрагментации остальной части постсоветского мира.

С.В. Бирюков
**Реформа федеральных округов в России:
история и современные перспективы**

Изданный ровно три года назад, в мае 2000 г., Указ Президента России В.В. Путина «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» и предложенный им тогда же Госдуме пакет законопроектов по административной реформе не стали откровением, поскольку содержали в себе давно циркулировавшие в стране идеи. Каждому государственно мыслящему руководителю было на тот момент «ясно», что в системе территориальной организации в 90-е гг. был потерян «порог управляемости». Но остаются вопросы о стратегии и тактике инициированных Кремлем преобразований, и прежде всего вопрос о том, под какую модель – мобилизационную или инновационную, унитарную либо федеративную – выстраивается подобная вертикаль. Этот вопрос далеко не банален – ибо в России государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны и народа. Крепкое государство для россиянина – не то, с чем следует бороться, а напротив, ис-

точник и гарант порядка, «главная движущая сила любых перемен». Между тем масштабные преобразования административно-территориального устройства уже имели место в истории России. И осуществлялись подобные реформы как революционным, так и эволюционным путем. Революционные преобразования, как правило, были связаны со стремлением укрепить власть и расширить сферу влияния государства, и ставка здесь делалась на принуждение и преимущественно административно-силовые механизмы, сопровождаясь репрессиями в качестве вспомогательного средства. Функцию стимулирования общественного развития в таком случае брало на себя государство, а все ресурсы (материальные, финансовые и людские) при этом были брошены на борьбу, если не непосредственно «на фронт». Относительные успехи таких преобразований сопровождались ломкой всего уклада жизни, подавлением личных свобод и инициативы, значительными издержками как для местного, так и для общероссийского хозяйства – когда, по известному выражению историка В.О. Ключевского, «государство пухло, а народ хирел»; достаточно вспомнить реформы Петра I, вследствие которых население страны уменьшилось на 20%, а военные расходы составляли до 75% государственного бюджета. Эволюционные преобразования, осуществлявшиеся в периоды относительно стабильного существования Российского государства (либеральные начинания Екатерины Второй и Александра Первого, реформы Александра Второго, ленинский нэп, хрущевские «совнархозы»), преследовали цель сделать его социально-экономическое развитие более динамичным за счет опоры на раскрепощение людей и инициативу снизу. Однако и эти реформы, предполагавшие, что правители знают благо подданных и граждан лучше них самих, зачастую оставались стихийными и непоследовательными – к тому же масштабов ограниченной «общественной инициативы» зачастую не хватало для решения насущных проблем развития, а любой выход «народной стихии» за установленные рамки пугал власти. В конечном итоге новый экономический, политический либо военный кризис приводил к сворачиванию начинаний и новой попытке мобилизации и централизации. Одновременно, в силу присущей бюрократической системе инерционности, даже в долгие периоды жизни без серьезных кризисов и угроз модель государственного управления оставалась мобилизационной и негибкой, порождая застои, для борьбы с которым чаще всего снова прибегали к мобилизационным стратегиям и «причесыванию» местных властей и элит (достаточно вспомнить мобилизационные начинания и «кадровые чистки» времен Андропова и раннего Горбачева, стремившихся придать переживавшей кризис системе импульсы развития). В силу пристрастия российских властей к «мобилизационной инерции» и до последнего

времени в России так и не удалось создать систему управления, которая бы одновременно отвечала запросам общества и государства, сочетала начала централизации и раскрепощения местной инициативы, была гибкой и адаптивной. Выход из этого «замкнутого цикла» был возможен лишь через разрушение государства (что произошло в истории России в 1917 и 1991 гг.) – однако последнее было чревато колоссальными издержками, и в конце концов приводило к воспроизводству государства мобилизационного типа в той или иной форме. Обращаясь к опыту прошлых лет, нужно помнить, что дореволюционная Россия была унитарным государством со скрепляющей ее воедино почти абсолютной монархической властью. Нельзя забывать о многочисленных издержках централизованно-бюрократической государственности, не поспевавшей за потребностями развития страны и ее народов, что закономерно привело к краху в 1917 г. Поэтому, учитывая современную специфику России как конституционной федерации, необходимо относиться к нашему историческому опыту критически. Так, дореволюционные губернии были прежде всего административными единицами, зачастую игнорирующими национальный состав населения и характер экономических связей регионов. Учрежденные в 2000 г. федеральные округа практически полностью совпадают с границами межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия («Северо-Запад», «Большая Волга», «Северный Кавказ» и др.). Таким образом, хотя реформа инициирована сверху и пока имеет сугубо административный характер, региональный и экономический критерий при ее проведении все же присутствуют. Если бы правительство России уделяло больше внимания развитию межрегиональных ассоциаций, то, возможно, было бы весьма перспективное наложение друг на друга интеграции России «по вертикали» и «по горизонтали». Однако отказ кабинета от какой-либо стратегии в этом вопросе сводит реформу к поверхностно-бюрократическим изменениям.

О.В. Боронин

**Перспективы российско-казахстанских отношений
в контексте безопасности и национально-государственных
интересов России и Казахстана**

В рамках конструирования российского внешнеполитического курса в отношении центрально-азиатского региона необходимо вычлениить наиболее важные приоритеты и направления. По мнению А.Д. Богатурова, в первую очередь нужно решить вопрос о будущем российско-казахстанских отношений, и значение Казахстана для Рос-

сии несопоставимо выше, чем любого другого нового государства постсоветской зоны из числа азиатских, поэтому стоило бы на двусторонней основе проработать перспективы российско-казахстанского союза. Перспективы у этого союза есть, ибо большинство интересов России и Казахстана совпадают, а многие проблемы безопасности нашей страны могут решить только совместными усилиями.

Во-первых, допустима вероятность, что в долгосрочной перспективе Россия и Казахстан могут оказаться лицом к лицу с угрозой конфронтации с Китаем, претендующим на роль второй супердержавы XXI в. По мнению А.Д. Богатурова, Китай в основном является соперником России. Не приобретая заинтересованных союзников, Россия рискует оказаться один на один с китайской угрозой. На Западе открыто обсуждается, например, возможность канализации китайского демографического давления в XXI в. на освоение Сибири и Дальнего Востока. Далеко не однозначно прогнозируются и модели внутривосточного развития Китая в XXI в., нет гарантии, что Китай в перспективе не будет стремиться к решению внутренних проблем за счет внешней экспансии.

Казахстан в связи с возможной китайской экспансией представляет собой слабовооруженную страну с большими просторами для заселения. Как и в случае с российскими сибирскими и дальневосточными территориями, значительную часть территории Казахстана в Китае на бытовом и академическом уровне считают временно утраченной. На встрече в Бишкеке в 1999 г. китайской и казахстанской сторонами было официально объявлено об отсутствии погранично-территориальных проблем. Однако некоторые казахстанские официальные лица выражают тревогу в связи с активным продвижением китайцев-мигрантов в Казахстан. Подобная картина наблюдается на российском Дальнем Востоке. Известно, что одной из целей вероятных войн, в которых может участвовать Китай, пекинские военные стратеги считают захват территории противника. Согласно принятой Китаем доктрины стратегических границ, Китай нуждается в пространстве, обеспечивающем безопасность и жизнедеятельность. Таким образом, принципы военной доктрины Китая представляют определенную угрозу для сопредельных стран СНГ.

В определенной мере служит укреплению доверия в военной области в районе границы между Китаем и странами СНГ Шанхайское соглашение. Однако это не должно препятствовать заключению договора о совместной обороне между Россией и Казахстаном. Существующий Договор о коллективной безопасности не может, на наш взгляд, служить основой для реальных действий с целью совместной

обороны, так как не наполнен обязательственными мерами. Казахстан же в одиночку не сможет отразить вероятную агрессию со стороны Китая. Численность Вооруженных сил Казахстана составляет приблизительно 70 тыс. военнослужащих; предполагается довести численность ВС РК до 150 тыс. человек. В настоящее время в казахстанской армии есть серьезные кадровые проблемы, нет достаточного материально-технического обеспечения войск, редко проводятся войсковые маневры и текущая боевая учеба. Со стороны Китая один Ланчжоуский военный округ, примыкающий к рубежам Казахстана, включает в себя 12 мотострелковых дивизий, сведенных в две общевойсковые армии общей численностью 200 тыс. военнослужащих. Таким образом, приветствуя и развивая партнерские и взаимовыгодные отношения с Китаем, российское и казахстанское руководство не должно игнорировать возможной конфронтационной модели взаимоотношений наших стран с Китаем.

Во-вторых, еще одна точка соприкосновения интересов России и Казахстана – угроза исламского экстремизма. Для России важным является то, что Казахстан – наименее исламизированное государство на постсоветском пространстве Центральной Азии, а большая часть казахстанских элит ориентирована на светскую государственность. В то же время, как и российское руководство в отношении процессов, происходящих в районах компактного проживания российских мусульман, казахстанское руководство обеспокоено радикализацией ислама в южных районах Казахстана. На юге Казахстана активно действуют ваххабитские эмиссары из Пакистана, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Афганистана. В стране растет численность религиозно-ориентированных вузов, где зарубежные преподаватели открыто проповедуют радикальные учения. Эти тенденции должны подталкивать Россию и Казахстан к сотрудничеству в борьбе с исламскими или любыми другими религиозными экстремистскими организациями.

В-третьих, Казахстан, как и Россия, подвергается экспансии со стороны международного наркобизнеса. Через наши страны не только проходит «Шелковый путь смерти» в Европу; Казахстан, как и Россия, принимает значительную часть афганского героина на своей территории. По оценкам экспертов ООН, объем наркотранзита может достигать 100 т. ежегодно. Таким образом, борьба с незаконным оборотом наркотиков – еще одна актуальная задача, которая должна решаться Россией и Казахстаном совместно.

В-четвертых, экономика Казахстана во многом замкнута на Россию. На нашу страну в настоящее время ориентировано 1/3 казахстан-

ского внешнеторгового оборота. Высока степень взаимодополняемости и взаимозависимости российской и казахстанской экономики. Особенно велик уровень экономической интегрированности приграничных регионов двух наших государств. Так, например, доля Казахстана во внешнеторговом обороте Алтайского края составляет 54%, в том числе на Казахстан приходится около 64% всего краевого экспорта. 61% всего импорта Восточно-казахстанской области приходится на Россию, в том числе до 25% – на пограничный Алтайский край. Эти обстоятельства также обуславливают привязку России и Казахстана друг к другу и взаимную заинтересованность в политической стабильности в центрально-азиатском регионе.

В отношениях между Россией и Казахстаном существуют шероховатости. Казахстанское руководство проводит курс, направленный на построение моноэтничного государства в условиях, когда более 40% населения страны составляют русские и русскоязычные. Русский вопрос в Казахстане очень актуален. В 1990-е гг. дискриминация русских в Казахстане была связана с процессами передела политической власти и перераспределения собственности в ходе приватизации. В настоящее время казахстанское руководство в политической активизации и консолидации русских Казахстана видит угрозу территориальной целостности и государственной безопасности своей страны. Можно понять в этой связи как негодование русских Казахстана по поводу пассивности Москвы в деле отстаивания интересов соотечественников, так и опасения казахской политической элиты.

Решая проблему казахстанских соотечественников, Москва должна ориентировать их на интеграцию в политическую жизнь Казахстана. Это может быть достигнуто путем создания русской партии по примеру русскоязычных жителей Израиля. Но эта партия не должна быть сепаратистской. Ключевыми лозунгами русской партии должны стать лозунги за крепкий союз Казахстана и России. Экономический передел в Казахстане, как и в России, в основном совершился. В настоящее время крупный российский бизнес должен активизировать инвестиционную политику в Казахстане, ориентированную прежде всего на использование потенциала экономически активного русского и русскоязычного населения Казахстана. Это также будет способствовать «снятию» русского вопроса в Казахстане. Но только в том случае, если Россия целенаправленно будет проводить курс на союзнические отношения с этим соседним государством.

Таким образом, нет практически никаких непреодолимых препятствий в установлении двусторонних союзных отношений между Россией и Казахстаном, существует целый комплекс причин нашей

«обреченности на союз». Однако в заключении союзного договора с Казахстаном Россия должна поспешить, ибо есть перспектива втягивания Казахстана в орбиту влияния других государств, чьи интересы не всегда совпадают с интересами России. В то же время России следовало бы четко дать понять казахстанскому руководству, что она не будет препятствовать Казахстану в развитии всесторонних связей с другими странами, если эти связи не будут противоречить взаимным обязательствам по договору; будет строить отношения с Казахстаном исключительно на равноправной основе; будет оказывать безусловную поддержку Казахстану в достижении его интересов на мировой арене, если это не противоречит нормам международного права; нужно также гарантировать Казахстану, что двусторонний договор не будет направлен на новую конфронтацию со странами НАТО, если угроза интересам и безопасности наших двух стран не будет в будущем исходить от этого военно-политического альянса. Отметим, что заявление министра иностранных дел РК о намерении Казахстана вступить в НАТО не говорит о невозможности российско-казахстанского военно-политического союза, так как заявление было сделано в соответствии с подобными заявлениями Президента РФ В.В. Путина о возможном вступлении в перспективе и России в этот военно-политический альянс.

Приняв политическое решение взять курс на построение союзных отношений с Республикой Казахстан, российское руководство может укрепить позиции России в Центральной Азии, содействовать установлению мира и стабильности в этом регионе.

А.В. Бускина
**Антисемитизм и Русская православная церковь
в постсоветский период**

Констатация того факта, что в современном православии есть течения, подверженные антисемитизму, является общим местом различных дискуссий, так или иначе касающихся этой сферы. Также практически не вызывает сомнения то, что православный антисемитизм является неотъемлемой частью постсоветского антисемитизма в целом. Однако сами по себе эти факты, ставшие уже очевидностью, затрагивают крайне актуальный вопрос о том, чего можно ожидать от сложившейся ситуации в отношении антисемитских тенденций в религиозном пространстве постсоветской России. Подобная постановка вопроса объясняется тем, что при рассмотрении такой неоднозначной и злободневной темы, как антисемитизм, нельзя совсем отгораживаться от актуализации этой проблемы.

Не претендуя на полноту освещения проблемы, мы все же попытаемся решить несколько вопросов. Во-первых, нас будут интересовать причины столь широкого распространения юдофобии в православных и, в целом, религиозных кругах современной России. Во-вторых, представляется весьма важной попытка взглянуть на ситуацию внутри Русской православной церкви, поскольку ее неоднородность имеет принципиальное, на наш взгляд, значение в рамках выбранной темы.

Религиозному сознанию свойственна претензия на «монополизацию» истины и нетерпимое отношение к другим конфессиям. К тому же, важной частью практически любой религиозной системы является убежденность в исключительности своей веры и распространенное заблуждение о превосходстве ее над другими. Вполне естественно, что в рамках многообразных религиозных вероучений существуют разные модели восприятия иноверцев: от безразличия или даже некоторой симпатии до агрессивной неприязни. Другое дело, что последнее далеко не всегда выражается в определенных агрессивных действиях в адрес «оппонентов». Заметим, что религиозная нетерпимость не является некоей константой, ее степень варьируется в зависимости от догматов конкретной конфессии, особенностей эпохи, культурного ареала и т.п. Однако существует распространенная точка зрения, согласно которой все религии «учат любви, добрососедству и терпимости». Нам такая позиция представляется далекой от действительности. Основным аргументом для нас является тот факт, что нетерпимость религиозного сознания стала совершенно естественной данностью, хотя и вступающей в противоречие с ценностями современной постмодернистской цивилизации, которая на настоящий момент претендует на доминирование во всем мире.

Основные вероисповедания на территории Российской Федерации – это христианство и ислам. В этих религиях содержатся идеи, которые могут быть определены как антисемитские (антииудейские), что было достаточно проявлено в их истории. Конечно, мы осознаем, что не совсем корректно употреблять термин «антисемитизм» по отношению к религиозному мировоззрению. Строго говоря, «антисемитизм» – это светская идеология, сформировавшаяся во второй половине XIX в., и мы не склонны ставить знак равенства между религиозной нетерпимостью и ксенофобской политической доктриной. В данном случае мы применяем понятие «антисемитизм» в самом широком смысле, подразумевая под ним любую нетерпимость (в том числе и религиозную) по отношению к евреям.

Христианство в силу исторически сложившихся условий (споры о наследовании все той же ветхозаветной традиции и проч.) издавна имеет целый ряд «вопросов» и претензий к иудаизму. В России христианство – не просто количественно преобладающая конфессия. Фактически православие является «полугосударственной» религией, хотя Конституция Российской Федерации (ст. 14) содержит тезис об отделении церкви от государства. Однако целый ряд особенностей догматики восточной христианской церкви (определяющими являются консерватизм, неукоснительная приверженность когда-то определенным позициям и сопротивление инновациям в сфере вероучения) закрепили тенденцию нетерпимого отношения к евреям. Благодаря этим особенностям в рамках православия представляется маловероятным пересмотр официальной доктрины относительно еврейского народа, хотя в католической и большинстве протестантских церквей ревизия все же была осуществлена.

В данном случае было бы уместно вспомнить, что после Холокоста западное христианское духовенство признало ответственность церкви за антисемитскую наклонность и официально сняло с иудеев основное (извечное в случае с православием) обвинение в богоубийстве. К сожалению, до сих пор не известны прецеденты того, что кто-либо из православных церковных иерархов взял на себя ответственность развенчать антииудейские концепции. Последние остаются скрытой частью церковной идеологии, что периодически проявляется на страницах религиозно и националистически окрашенных изданий («Русская идея и евреи», «Русь Православная», «Церковь в осаде», «Штурмовик», «Черная сотня» и т.п.). Как уже упоминалось, в силу объективных и субъективных причин пересмотр «официальных» заблуждений и стереотипов в отношении иудеев вряд ли произойдет в русском православии в ближайшее время.

Одна из субъективных причин «затруднений» ревизии кроется в противоречивых процессах внутри Русской Православной Церкви (РПЦ), а также в неоднородности идеологических течений внутри Московской Патриархии. Внутри РПЦ в постсоветский период достаточно четко выделяются три основных направления, условно их можно назвать «церковные либералы» («кочетковцы», «меневцы», а также священник Александр Борисов, исследователи христианского богословия Сергей Лезов и Зоя Крахмальникова и др.), «православные фундаменталисты» (ярким примером служит деятельность многочисленных национал-радикальных и антисемитских политических организаций) и «номенклатурно-клерикальный центр» (собственно епископат и клир РПЦ). Несмотря на некоторые либеральные и даже «филосемитские»

идеи и разнообразные модели отношения к «еврейскому вопросу» в русском православии, можно прийти к выводу, что современная церковь в основном продолжает придерживаться позиций средневекового христианского антисемитизма. К этому стоит добавить, что внутри и за пределами РПЦ сильны и популярны ультрареакционные элементы, которые считают своим долгом уделить особенно пристальное внимание «еврейской проблеме».

Если обратиться к контексту постсоветской эпохи, то можно заметить, что церковь «находится в почете», миллионы россиян обращаются к религии, наблюдается своеобразное «сотрудничество» (условно названное «поиском идеологической опоры») государства и церкви во время президентских выборов в 2000 г. С учетом вышесказанного возникает вопрос: не выплеснется ли в широкие массы извечная религиозная нетерпимость по отношению к иудеям, или даже не будет ли она как-то задействована как «часть духовного возрождения»?

Спрогнозировать ответ и ситуацию помогают, главным образом, результаты социологических опросов. Учитывая тот факт, что 94% российских граждан доверяют церкви (где по сей день бытуют юдофобские стереотипы), можно совершенно логично предположить, что общество может продемонстрировать устойчивый уровень антисемитизма. Однако, как сообщают К. Каарийнен и Д. Фурман, результаты опросов показали, что иудаизм вызывает скорее положительное отношение респондентов. Показателен тот факт, что к представителям разнообразных протестантских течений, а также к кришнаитам, мунистам современные россияне относятся в большей мере отрицательно. Согласно другим опросам, 72% россиян считают, что иудеям и христианам «ничего не мешает жить без взаимных конфликтов в мире и согласии», и лишь 10% опрошенных полагают, что это не так «из-за исторических противоречий», а какая-то часть всего лишь констатирует сам факт. При таком подходе российских граждан говорить о широко-масштабном антииудаизме не приходится.

Политолог В. Прибыловский отмечает еще один немаловажный момент, что «православие в рамках PR-проекта «новая российская государственная идеология» воспринимается как базис для положительной самоидентификации, поэтому оно позиционируется как созидательное, миролюбиво ориентированное мировоззрение». В качестве исходной точки «отрицательной самоидентификации» политолог отмечает наглядный «образ врага» в период, связанный с терроризмом и войной на Кавказе. Представляется интересным то, как В. Прибыловский и А. Верховский оценивают ситуацию, касающуюся антисемитизма в России. В частности, они утверждают, что «антисемитизм не

может стать существенной чертой государственной идеологии, потому что антисемитизм не в моде, скажем, в Швейцарии (или США), а начальство любит отдыхать именно в Швейцарии. Она нам антисемитизма не разрешит, а вот чеченофобию, кавказофобию они уже разрешили. И она уже является существенной чертой идеологии».

В этих условиях религиозный антисемитизм практически не представляется функциональным на фоне мировоззренческих процессов в современной России. Однако не стоит забывать, что в рамках русского православия ситуация не меняется, и антисемитизм в силу этого обстоятельства укореняется как органичная часть мировоззрения.

В.В. Василенко

К вопросу о перспективах интеграционных процессов

В настоящее время подавляющее большинство стран мира пришло к осознанию того, что самостоятельно невозможно добиться удовлетворительного положения на международной арене в условиях все углубляющейся взаимозависимости мира. Активные процессы глобализации и складывания информационного общества сказались на усилении региональной интеграции. Страны-участницы интеграционных группировок нацелены на достижение наиболее выгодного положения в мировой экономике и политике и минимизацию негативных последствий вышеупомянутых процессов посредством использования потенциала и ресурсов региона.

СНГ в этом плане ценно тем, что объединяет практически все государства постсоветского пространства (за исключением стран Балтии) и, следовательно, представляет собой обширный регион со значительным потенциалом. Однако достижения и перспективы данной интеграционной группировки эксперты оценивают весьма критически. И действительно, за весь период ее существования не было достигнуто крупных достижений на пути интеграции. Государства-члены СНГ продемонстрировали неспособность решать конкретные задачи на многосторонней основе, отсутствие воли к выполнению заявленных целей. Однако специфика данной региональной организации заставляет воздерживаться от поспешных выводов.

На пути развития Содружества с самого начала существовала масса сложностей, зачастую не свойственных интеграционным процессам в других регионах мира, а в дальнейшем добавились и новые. Так, еще в период возникновения СНГ ряд стран-участниц воспринимали его в качестве инструмента «цивилизованного развода», и прак-

тически все были сконцентрированы на укреплении своего национального суверенитета и самостоятельном поиске места в мировой политике и экономике. Очевидно, что в таких условиях выполнение поставленных задач по развитию интеграции в регионе не находилось в числе приоритетов национальных правительств.

В дальнейшем выявились и иные принципиальные проблемы. Среди них основной является разновекторность интересов стран-участниц, что проявляется в ориентации на разные геополитические центры притяжения. Поначалу бывшие республики СССР возлагали на такую политику большие надежды, считая ее оптимальной для реализации национальных интересов. Однако дальнейшее развитие событий показало необоснованность такого подхода и подтолкнуло ряд государств-членов СНГ к трезвой оценке своей роли и перспектив на международной арене.

Стали очевидны все выгоды от развития добрососедских отношений на постсоветском пространстве. Так, например, российское руководство осознало, что реализация целого комплекса интересов, затрагивающих военно-политическую, экономическую, социокультурную сферы, невозможна без построения взаимовыгодного сотрудничества в отношениях со странами региона. В результате наметилась тенденция распространения политики прагматизма на постсоветское пространство. Заслуга в этом, безусловно, принадлежит России, хотя ряд наблюдателей и не признают ее лидерства не только в ЕврАзЭС и ЗСТ, но и в Союзном государстве Белоруссии и России. Вся важность для региона поворота российской политики в сторону прагматизма состоит в том, что он рассматривается странами-участницами СНГ не только как катализатор интеграционного движения, но и как определенная гарантия от имперских амбиций России.

Таким образом, в оценке достижений и перспектив СНГ необходимо учитывать весь комплекс проблем, которые стоят на пути развития интеграции в СНГ. Помимо разновекторности интересов нужно помнить о разном уровне развития стран-участниц, что сказывается зачастую в принципиально разных проблемах, стоящих перед национальными правительствами, об отсутствии политической воли для реализации принятых решений относительно интеграции в СНГ, стремлении добиться от России экономических уступок в обмен на политические решения и др.

В итоге нельзя не признать, что СНГ явилось искусственным образованием в качестве интеграционной группировки, и в настоящее время не существует предпосылок для развития интеграции в регионе на такой широкой основе. Однако также необходимо отметить его по-

ложительную роль уже в том, что на постсоветском пространстве не состоялся развод «по-югославски». Содружество явилось средой для субрегиональных интеграционных образований. Наиболее перспективными в настоящее время считаются ЕврАзЭС, образованное на базе Таможенного союза Белоруссии, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, и Союз России и Белоруссии. Ценна роль СНГ как форума для лидеров постсоветского пространства. Уже фактически утасли призывы к самороспуску Содружества, и государства-члены активно используют его не только для решения проблем интеграции в регионе, но и для обсуждения актуальных международных проблем, с которыми сталкиваются и страны региона. Так, на саммите стран СНГ в Санкт-Петербурге на повестке дня стоит и проблема международного терроризма.

Таким образом, ответ на вопрос о перспективах Содружества во многом обусловлен трактовкой его основной функции. Если исходить из того, что СНГ должен демонстрировать практические достижения в области региональной интеграции, то сценарий его развития будет довольно пессимистичен – никаких заметных сдвигов не ожидается. Однако, на наш взгляд, необходимо отказаться от чрезмерных ожиданий и обратить внимание на позитивную тенденцию, инструментом которой он служит, – выработку способов сотрудничества между странами-участницами СНГ. Государства Содружества, руководствуясь принципом прагматизма в отношениях, осознают, что построение взаимовыгодного сотрудничества – длительный процесс, и не нацелены на громкие интеграционные прорывы.

М.М. Волобуева

Развитие законодательства о религии и модели государственно-конфессиональных отношений в постсоветском пространстве

Соблюдение принципов свободы совести и вероисповеданий в обществе и государстве является одним из основных приоритетов демократических прав и свобод граждан и признаком демократически развитого социума. К принципам свободы совести принято относить право на исповедание или не исповедание какой-либо религии, равенство граждан перед законом вне зависимости от их конфессиональной принадлежности и отсутствие принуждения в отношении исповедания религии, нейтралитет государства в отношении всех религиозных организаций и равенство последних перед законом. Данные положения являются основными признаками социальных гарантий свободы со-

вести, и как следствие их соблюдение гарантирует демократические и цивилизованные взаимоотношения между членами человеческого общества. Международное признание принципов свободы совести впервые было зафиксировано во Всеобщей Декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., Декларации об устранении всех форм нетерпимости и дискриминации в связи с религией и убеждениями 1981 г., Конвенции о правах ребенка 1990 г., Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы 1999 г. и т.д. После принятия вышеперечисленных международных правовых документов правительства большинства государств, подписываясь под их положениями, брали на себя обязательства соблюдения международных принципов прав и свобод и вносили соответствующие поправки в свою систему внутригосударственных законодательств.

Правительство СССР также подписывало и ратифицировало на территории Советского Союза ряд международных пактов и документов, касавшихся, в частности, и свободы вероисповеданий. Однако соблюдение принципов свободы совести и вероисповеданий носило на территории советских республик формальный, поверхностный характер. Условия регистрации религиозных объединений в СССР были весьма жесткими, и, проходя процедуру регистрации, религиозные организации заведомо соглашались на условия тотального контроля со стороны государства через институт центрального и республиканских Советов по делам религий. Все остальные религиозные группы и сообщества, не получившие или отказавшиеся от государственной регистрации, получали название «экстремистские организации» или «секты», их деятельность всесторонне пресекалась, а члены преследовались по уголовному законодательству.

После распада СССР в 1991 г. каждой постсоветской республике пришлось адаптироваться в мировом геополитическом сообществе, проходить проверку на демократичность и формировать соответствующую законодательную систему, в том числе касающуюся принципов государственно-конфессиональных отношений и свободы совести. В документах государств-участников СНГ – в Уставе СНГ, принятом 1993 г., в статье 3 гарантировалось обеспечение всеми странами СНГ своим гражданам основных прав вне зависимости и от религии, а статья 16 обязывала государства СНГ принимать меры для предотвращения межконфессиональных конфликтов. Декларация государств-

участников СНГ «О международных обязательствах в области прав человека и основных свобод» 1993 г. гарантировала своим гражданам соблюдение принципов, закрепленных в документах ООН. В 1994 г. странами СНГ была подписана Конвенция «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам», где статья 4 гарантировала нацменьшинствам развитие в том числе религиозной самобытности, статья 8 – религиозную деятельность на родном языке. В принятой в 1995 г. Конвенции СНГ «О правах и основных свободах человека» статья 10 обеспечивала каждому жителю стран СНГ право на свободу выбора религии, исповедания и отправление религиозного культа.

Необходимо отметить общие тенденции в отношении гарантий гражданам данных стран прав свободы совести и вероисповеданий, а также статуса религиозных объединений. Во всех странах постсоветского пространства были приняты как новые конституции, так и почти везде – специальные новые законы о свободе совести и вероисповеданий. Во всех странах постсоветского пространства каждому гражданину гарантировалось право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, конституции запрещали разделять граждан по конфессиональному признаку. Религиозные организации законодательно были приравнены к общественным и получили статус юридического лица со всеми соответствующими правами и обязанностями. Церковь была отделена от государства, законодательство запрещало определение какой-либо религии в качестве государственной конфессии и вмешательство государства в дела религиозных организаций. Законодательство об альтернативной службе гарантировало верующим, религиозные убеждения которых несовместимы с прохождением строевой военной службы, соответствующую трудовую службу. Уголовное и гражданское законодательство в странах постсоветского пространства исключили статьи, ограничивающие права верующих и религиозных объединений.

Тем не менее, несмотря на внешнюю схожесть конституционно-правовой законодательной базы стран бывшего СССР в отношении свободы совести и вероисповеданий, наблюдались и любопытные различия. Среди стран Кавказского региона Конституция Азербайджанской республики, принятая в 1995 г., в статье 56, касающейся избирательных прав граждан, предусматривает ограничение прав участия в выборах в том числе и религиозных деятелей. Статья 85, освещающая требования к кандидатам в депутаты Милли Меджлиса Азербайджанской республики, указывает, что депутатами данного государственного органа не могут быть избраны религиозные деятели. Закон Азер-

байджанской республики «О свободе вероисповеданий», принятый 1992 г. и измененный в период 1996–1997 гг., в статье 1 запрещает ведение религиозной пропаганды иностранцами и лицами без гражданства, а в статье 5 – религиозным организациям участвовать в деятельности политических партий и оказывать им финансовую помощь. Конституция республики Армения 1996 г. не содержит каких-либо особых положений о свободе совести, а вот в Законе Верховного Совета республики Армения «О свободе совести и религиозных организациях» 1991 г. в статье 6 отдельно подчеркивается деятельность на территории Армении Армянской апостольской церкви, а также других религиозных объединений, в состав каждой из которых входит не менее 200 совершеннолетних граждан Армении, что является самым высоким законодательным цензом численности из всех постсоветских республик. В статье 17, несмотря на указание закона об отделении церкви от государства в Армении, все пункты посвящены правам Армянской апостольской церкви как национальной. Статья 20.1 свидетельствует, что государство признает тайну исповеди, а статья 22 гарантирует автоматическое гражданство Армении лицу, избранному Католиком всех армян. Конституция Грузии от 1995 г. в статье 9 признает исключительную роль Грузинской Православной Церкви в истории Грузии и провозглашает свободу вероисповеданий и религиозных убеждений, а также независимость церкви от государства. Более сообщить что-либо о принципах свободы совести в Грузии невозможно, так как Грузия – единственная из бывших советских республик, которая не имеет отдельного законодательства о религии.

Страны Балтии – Латвийская, Литовская и Эстонская республики, не вошедшие в соглашение СНГ, на фоне соблюдения общих принципов демократических прав и свобод, в том числе в отношении свободы совести, имеют ряд интересных законодательных особенностей. Конституция Латвийской республики была сформирована на основе конституции 1922 г. с изменениями и дополнениями 1933, 1994–1998, 2002 гг. и гарантирует свободу вероисповеданий, а также отделение церкви от государства. В Законе Латвийской республики «О религиозных организациях» от 1995 г. с изменениями 1996–1998 и 2000 гг. статья 5 передает Управлению по делам религий под надзором Министерства юстиции и Кабинета Министров права регулирования взаимоотношений между государством и религиозными организациями. Статья 6 разрешает преподавание христианского вероучения с письменного согласия родителей в государственных школах по программе, утвержденной Минобразованием республики, и только педагогам евангелическо-лютеранской, римско-католической, православ-

ной, старообрядческой и баптистской конфессий. Статья 7 для создания религиозного союза определяет количественный ценз в 10 организаций, а статья 8 – временной ценз для новых в Латвии религиозных объединений сроком в 10 лет, в течение которых они будут проходить ежегодную перерегистрацию. Конституция Литовской республики 1992 г., дополненная в 1996 и 2000 гг., в статье 40 разрешает по желанию родителей обучать детей Закону Божьему. Закон Литовской республики «О религиозных общинах и сообществах» от 1995 г. один из немногих из законодательных документов бывших советских республик в статье 5 официально перечисляет признанные Законом традиционными 9 религиозных общин и сообществ на территории Латвии, что является некоторым нарушением прав организаций, признанных в статье 6 другими или нетрадиционными. Кроме того, Литовское законодательство является наиболее строгим в отношении получения статуса религиозной организации в качестве признанной государством, предполагая 25-летний ценз, рассмотрение вопроса на уровне Сейма республики и правила пересмотра дела в случае отказа только через 10 лет. Конституция Эстонской республики 1992 г. стала основой принятого в 2002 г. Закона Эстонии «О церквях и приходах», самого нового среди законодательных актов о свободе совести в постсоветском правовом пространстве. Параграф 8 данного Закона обязывает к предоставлению данных о своем вероисповедании или принадлежности к приходу подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и потерпевших в ходе уголовного процесса. Параграф 17 указывает порядок внесения религиозного объединения в государственный реестр Эстонии, что также автоматически подразделяет религиозные объединения на категории.

Среди республик постсоветского пространства Средней Азии Законодательство о религии имеет более жесткий характер, не наблюдаются даже отдельные намеки на приоритеты каких-либо традиционных религий, воссозданы Комитеты по делам религий почти советского образца, однозначно пресекаются любые попытки интеграции религии и политики, а также демонстрируется подчеркнуто светский характер государственного образования. Конституция республики Казахстан 1995 г. с дополнениями 1998 г. в статье 5 запрещает деятельность партий на религиозной основе. Закон республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» 1992 г., дополненный в 1995 и 1997 гг., в статье 5 определяет светский характер государственного образования и разрешает включение в программы государственных учебных заведений только религиозоведческих дисциплин. Конституция Кыргызской республики от 1993 г. с дополнениями

1996 г. также в статье 8 запрещает создание политических партий на религиозной основе, но отдельно оговаривает запрет на вмешательство служителей религиозных организаций и культов в деятельность государственных органов. Закон Кыргызской республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» 1991 г. в редакции 1997 г. запрещает в статье 5 создание и деятельность именно религиозных партий. Статья 15 устанавливает общий для религиозных и общественных организаций порядок проведения публичных акций только с согласия институтов государственной законодательной власти. Тем не менее дни Орозо-айта, Курман-айта и Рождества объявляются в республике праздничными нерабочими днями. Конституция республики Таджикистан 1994 г. в отношении принципов не отличается от конституций других стран СНГ, а также и практически все положения Закона республики Таджикистан «О религии и религиозных организациях» от 1994 г. с дополнениями 1997 г. Только в статье 6, регламентирующей отделение системы народного образования от религии, оговаривается любопытный момент введения возрастного ценза обучения детей религии только с 7 лет с письменного согласия родителей и с 16 лет с согласия самого ребенка. Также в статье 29 оговариваются права контролирующего органа по делам религии, образуемого Правительством республики Таджикистан. Конституция Туркменистана, принятая в 1992 и дополненная в 1995 г., в статье 8 гарантирует право убежища иностранным гражданам, преследуемым в своих странах, в том числе и за религиозные убеждения. Закон Туркменистана «О свободе совести и религиозных организациях в Туркменистане» от 1991 г., дополненный в 1993, 1995 и 1996 гг., в статье 6 запрещает преподавание религиозных вероучений в государственной системе образования, а в случае обучения детей религии оговаривается время только в свободное от школьных занятий и не более 4-х часов в неделю. Статья 7 не только запрещает создание религиозных партий в Туркменистане, но даже не допускает поддержание связи с аналогичными партиями за рубежом. Однако интересным является факт, отраженный в 28 статье, которая предусматривает создание Генгеши (совета) по делам религий лично Президентом Туркменистана. Конституция республики Узбекистан 1992 г. также соблюдает все характерные положения конституций стран региона постсоветской Средней Азии в отношении свободы совести, а также и Закон республики Узбекистан «О свободе совести и религиозных организациях» 1991 г. в редакции 1998 г. Тем не менее некоторые статьи имеют ряд интересных положений. Статья 5 запрещает деятельность религиозных организаций, течений, сект, способствующих терроризму, наркобизнесу и организован-

ной преступности. Статья 6 подчеркивает полномочия Комитета по делам религий, созданного при Кабинете Министров республики Узбекистан. Статья 14 запрещает гражданам республики (кроме священнослужителей) появляться в общественных местах в культовых одеяниях. Статья 19 запрещает изготовление, хранение и распространение печатных изданий, кино-, фото-, аудио-, видеопродукции, содержащих идеи религиозного экстремизма.

Страны постсоветского пространства европейского региона – такие как Молдова, Украина, Белоруссия и РФ, также имеют в своих законодательных базах особенности реализации принципов свободы совести. Конституция Украины 1996 г., в основном соблюдающая все международные положения о правах и свободах человека, упоминает, что Верховная Рада Украины, сознавая ответственность перед Богом, принимает настоящую Конституцию. Закон Украины «О свободе совести и религиозных организациях» 1991 г. в статье 5 запрещает религиозным организациям не только участие в политических партиях, но и выдвижение кандидатов в органы законодательной власти, агитацию или финансирование избирательных компаний. Статья 6 не допускает ограничений на ведение научных исследований, пропаганду их результатов или включение в образовательные программы по признаку соответствия или несоответствия положениям религии. Конституция республики Молдова от 1994 г. с изменениями 1996 и 2000 гг. демонстрирует гарантию всех прав свобод своим гражданам в соответствии с международными нормами. Закон республики Молдова «О культурах» 1992 г. с дополнениями 1994, 1998, 1999, 2001 и 2002 гг. в такой краткой формулировке в названии является единственным среди законов стран СНГ. Согласно данному Закону в республике Молдова, во-первых, все религии называются культурами. Во-вторых, запрещается в статье 1/1 чрезмерный прозелитизм, в статье 9 – в уставных документах запрещаются положения, посягающие на целостность и суверенитет республики Молдова. Статья 17 предусматривает создание при Государственной службе по делам культов Совета представителей от каждого культа, законно признанного в республике. Конституция республики Беларусь от 1996 г., кроме ряда стандартных правовых положений, так же, как и республика Туркменистан, гарантирует право убежища лицам, преследуемым в других государствах, в том числе за религиозные убеждения. Закон республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» 1992 г. с дополнениями 1995 и 1999 гг. практически по всем параметрам соответствует Конституции Российской Федерации 1993 г. и Законодательству «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г. Особенности Кон-

ституции Российской Федерации в отношении принципов свободы совести, на наш взгляд, выражены в статье 13, которая запрещает создание именно общественных объединений, цель или действия которых направлены на разжигание в том числе религиозной розни, в статье 29, которая запрещает пропаганду религиозного превосходства, а также статья 80, подчеркивающая особую роль президента РФ как гаранта Конституции РФ. Федеральный Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» 1997 г. в редакции законов 2000 и 2002 гг. в своей преамбуле признает особую роль православия в истории России; уважает христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России. Статьи 6, 7 и 8 четко различают права и полномочия религиозной организации и религиозной группы, статья 9 устанавливает 15-летний временный ценз для учреждения религиозной организации. Статья 14 содержит перечень оснований для ликвидации религиозной организации по решению суда. Надзор и контроль над религиозными объединениями в РФ осуществляют в соответствии со статьей 25 органы прокуратуры РФ, а орган, принявший решение о государственной регистрации религиозной организации, осуществляет контроль за соблюдением ею собственного устава.

Краткий обзор конституционно-правовой базы стран постсоветского пространства на предмет соблюдения принципов свободы вероисповеданий показал, что в своей основе Конституции и Законы о государственно-конфессиональных отношениях стран СНГ и Балтии придерживаются международных положений и норм о свободе совести. Некоторая разница в ряде конституционных и законодательных нюансов объясняется спецификой политической и конфессиональной ситуации в регионе, где расположена бывшая советская республика. Так, страны Балтии вводят жесткие временные и численные цензы в отношении регистрации религиозных объединений в результате резкого роста прозелитизма новых религиозных культов, прибывших из Западной Европы. Принятие структур Советов по делам религий и резкое ограничение политических амбиций религиозных объединений в странах Средней Азии объясняется угрозой исламского экстремизма и неофундаментализма в регионе. Приоритетное отношение к Армянской апостольской или Грузинской православной церквям в республиках Кавказа вызвано сравнительной моноэтничностью данных республик и относительной моноконфессиональностью их титульных наций. Конституции и законодательства о свободе совести республик Украины, Беларуси, Молдовы и РФ в основном идентичны в результате наиболее тесного сотрудничества данных стран в системе СНГ. Дальней-

шее развитие законодательства о свободе совести стран СНГ и Балтии в контексте демократизации или наоборот консерватизации правовой базы в отношении религии будет зависеть, на наш взгляд, от мировой геополитической обстановки в регионах, а также от развития внутри-социальных приоритетов на территории упомянутых стран.

А.Е. Воробьев, Т.В. Чекушина
**Транснационализация деловых отношений
в процессах глобализации**

Появление транснациональных компаний и корпораций (ТНК) – закономерное явление происходящих в последнее время процессов глобализации. Их финансовые интересы часто переплетаются с экономическими интересами различных государств и регионов. Тенденция к постоянному расширению экономического взаимодействия и взаимозависимости различных государств стала проявляться после Второй мировой войны. В этом процессе огромную роль играли и продолжают играть международные компании. Их власть и влияние обуславливаются концентрацией контроля над стратегически важными сферами существования человеческого общества – финансами, рабочей силой, технологией, поставками сырья и компонентов, услугами и их реализацией.

В развитии российских ТНК приоритетными для России следует считать следующие направления их деятельности:

- увеличение принадлежащих ТНК сетей распределения газа и нефтепродуктов (вплоть до розничных) как на традиционных рынках СНГ и Европы, так и на новых для них рынках Азии, Ближнего Востока и Северной Америки;
- увеличение числа газоперерабатывающих предприятий непосредственно в странах СНГ и Европы;
- формирование собственных танкерных флотов нефтегазовых компаний и сухогрузных флотов горнодобывающих компаний;
- приобретение прав на разведку и эксплуатацию месторождений стратегических видов минерального сырья, импортируемого в Россию (бокситов, марганцевых и хромитовых руд, титанового и циркониевого концентратов, крупнокускового флюорита, щелочных бентонитов, высококачественных каолинитов и т.д.), с ориентацией их транспортных потоков на российские предприятия;
- приобретение прав на разведку и эксплуатацию месторождений (газа, нефти, алмазов, платиноидов, золота, бокситов, меди, никеля, мо-

либдена, фосфоритов и др.) в странах с экономически благоприятной ситуацией – традиционных экономических и политических партнеров России (Вьетнам, Ангола, Куба, Индия, Иран, Ирак, Ливия, Алжир и др.), а по политической обстановке – в странах с условно повышенным риском инвестиций (Намибия, Мозамбик, Лаос, Камбоджа и др.);

- реализация проектов коротких транспортных схем потоков минерального сырья в Россию (например, строительство уральскими металлургическими комбинатами новых рудников на железорудных месторождениях в Курганской области Казахстана для самообеспечения высококачественными концентратами; освоение угольных месторождений китайской Маньчжурии для нужд Дальнего Востока России и др.).

Не всегда экономическая и политическая обстановка благоприятствует развитию российских ТНК. Например, на Кубе, традиционном партнере России, в период либерализации экономики страны вследствие инертности российских дипломатических и внешнеэкономических служб, сырьевой рынок был захвачен канадскими компаниями (Shtritt International Corp.) Крупную концессию на разведку золота получила Holmen Gold Mines. На ранних этапах освоения «Газпромом» проекта Южный Парс в Иране началось резкое противодействие этому со стороны США (по политическим мотивам). Лишь в 1998 г. ЕС (с подачи европейских участников проекта) достиг с США договоренности о неприменении экономических санкций в отношении компаний, участвующих в этом проекте. Однако соглашение о поставках газа из России в Израиль, замороженное из-за контактов «Газпрома» с Ираном, не реализовано до сих пор.

В текущих условиях глобализации мировой экономики российские ТНК обязательно должны участвовать в приобретении свободных дешевых природных и трудовых ресурсов, иначе после имеющегося передела мира экономическое пространство России окажется зажатым в границах только собственной суверенной территории. Хотя продукция зарубежных предприятий (дивиденды) и операции с финансовыми деривативами (акциями, фьючерсами и др.) способствуют формированию российского валового национального продукта. Стабилизация российскими ТНК транспортных потоков стратегического минерального сырья в Россию будет способствовать устойчивости импортозависимых российских предприятий, работающих уже только на российский ВВП.

Государству следует всеми способами поддерживать российские ТНК в приобретении зарубежных активов и поисках новых форм международного экономического сотрудничества. Это особенно актуально в условиях реструктуризации государственных долгов третьих стран

России, которые могут быть погашены активами их предприятий, предоставлением концессий и лицензий на разработку месторождений.

В историческом развитии международного бизнеса важную роль сыграли компании, занимавшиеся освоением природных ресурсов. В большинстве случаев они начинали с импорта сельскохозяйственных продуктов и минерального сырья, потом перешли к организации их иностранного производства и сбыта, что повлекло за собой установление контроля над горнодобывающей и нефтяной промышленностью, а также над сельским хозяйством, и было тесно связано с системой колониализма.

Глобальные ТНК монополизировали не только производство информационных продуктов и промышленных товаров, они доминируют и в разработке полезных ископаемых (где шесть крупнейших ТНК контролируют 75% добываемой нефти и 95% поступающей на рынок железной руды) и торговле сельскохозяйственными продуктами.

Следствием распада колониальных империй стали усиления правительства новых государств по установлению контроля над национальными природными ресурсами путем экспроприации и национализации собственности. Некоторые из них стремились увеличить доходы за счет организации у себя отдельных стадий первичной переработки минерального сырья. Это изменило условия функционирования ТНК. В ряде случаев последние утратили прямой контроль над добычей полезных ископаемых, но их господствующее положение в сфере международных продаж в основном укрепилось, так как транспортировка, большая часть технологических переделов (переработки) и продажа минерального сырья по-прежнему контролировались ими. Они также обладали значительным весом на товарных биржах и в создании материальных запасов.

В 90-е гг. XX в. на стратегию этой группы ТНК влиял ряд факторов – прежде всего, спрос, цены, научно-технические достижения и тенденции, конкуренция. В целом они перспективны, так как природные ресурсы распределены в мире весьма неравномерно: в результате более половины стран мира и 2/3 промышленных мощностей зависят от импорта материалов. Влияние ТНК на территориальное размещение производительных сил становится все более сложным ввиду сочетания конгломерации и вертикальной интеграции.

Кроме этого, необходимо учитывать то, что сырьевая и добывающая отрасли всегда капиталоемки. В настоящее время они требуют еще больших и длительных инвестиций, в силу чего уйти из них труднее, чем из другого промышленного производства. Это обстоятельство заставляет инвесторов особенно остро реагировать на политические из-

менения, неблагоприятные подвижки в налоговой и правовой сферах, а в последнее время – на мероприятия по охране окружающей среды.

Суммарные активы 12 крупнейших минерально-сырьевых ТНК составляют 672 млрд. долл. (13% суммы активов 100 крупнейших ТНК), годовой объем продаж – 604 млрд. долл. (14,3%), их ИТН достигает в среднем 52,8.

Сегодня из всех ТНК только Rio Tinto Plc занимается добычей твердых полезных ископаемых (черные, цветные и благородные металлы, уголь), все остальные сырьевые ТНК – из нефтегазового (добывающего, перерабатывающего и распределяющего) сектора.

Российские минерально-сырьевые компании также участвуют в международном разделении труда и создают свои зарубежные филиалы. Наиболее интенсивно формирование ТНК идет в нефтяном и газовом секторах минерально-сырьевого комплекса, намечаются также прецеденты создания зарубежных производств в алмазном секторе, алюминиевой и золотодобывающей отраслях промышленности, а также проекты транснационализации в никелевом секторе.

Стратегическими задачами российских «минерально-сырьевых» ТНК являются:

- доступ к дешевым природным и трудовым ресурсам (в Африке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии);
- приобретение перспективных месторождений ликвидного сырья;
- сохранение и закрепление устоявшихся сырьевых потоков на территорию России (из Монголии, Гвинеи и других стран);
- снижение финансовых потерь путем диверсификации производства в разных странах с различными уровнями политического (странового) и экономического рисков.

Процессы глобализации в чем-то сродни движению автотранспорта. Автомобильное движение может осуществляться по минимальным правилам (как, например, в Афганистане) или строго по специально разработанным правилам (большинство западных стран), может быть лево- или правосторонним. Четко разработанные правила и их неукоснительное соблюдение – залог эффективного и безопасного движения. Так же обстоит дело и с глобализацией. Ее нужно рассматривать как реальную объективность, которая не может быть ни хорошей, ни плохой. Она уже существует. Чем быстрее мы разработаем правила функционирования в подобной среде и согласуем их с другими независимыми государствами (в первую очередь со странами СНГ), тем быстрее, а главное, с выигрышем мы войдем в этот процесс.